

Мое оружие — Евангелие и религия, ими я и воюю

КАК СОБРАТЬ ПАКЕТ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КАНОНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ АРХИВНЫХ ДЕЛ О СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ НИКОЛАЕ ЗАВАРИНЕ

Игуменья Варвара (Скворцова)

Решением Священного Синода от 4 апреля 2019 года (журнал № 31) священник Николай Заварин включен в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской. Решение это немного выбивается из ряда ему подобных, и вот почему. Ранее, 28 декабря 2018 года, синодальным решением (см. журнал № 124) вопрос о канонизации отца Николая Заварина выносился на рассмотрение Архиерейского Собора. Почему же Синод вернулся к нему, не дожидаясь созыва Собора? Поступившая от профильной синодальной комиссии дополнительная информация оказалась настолько полной и всеобъемлющей, что сняла все вопросы по предлагавшейся к общецерковному почитанию кандидатуре. А возглавляющий этот орган епископ Троицкий Панкратий на посвященной канонизации святых секции Рождественских чтений — 2019 даже поставил в пример работу по формированию необходимого корпуса документов, заметив, что в свете нынешних требований ее можно рассматривать едва ли не как образцовую. Опыт по подготовке бумаг для канонизации новомученика делится игуменья Владимирского монастыря в селе Пиксур (Яранская епархия Вятской митрополии) Варвара (Скворцова), руководившая этой деятельностью.

В самом начале исследований сведения ограничивались краткой информацией из Книги Памяти жертв политических репрессий по Кировской области, а именно: «Заварин Николай Кельсиевич, 1878 г. р., уроженец с. Кичменский городок Городецкого района Северной области, проживал в д. Колосницыны Варженского с/с Даровского района, русский, священник церкви в с. Пиксур Варженского с/с того же района. 19 августа 1937 г. особой тройкой при УНКВД Кировской области по ст. 58 п. 10 УК РСФСР

подвергнут высшей мере наказания. Расстрелян 19.08.1937 г. в г. Кирове. Реабилитирован 17.11.1956 г.»¹.

Первоначально стояла задача узнать об отце Николае и других священнослужителях, вместе с ним пострадавших, как можно больше: как шло их становление как православных священников, с какими трудностями они сталкивались, как они их преодолевали, как вели себя во время следствия. На основе материалов следственных дел была выделена как приоритетная тема

жизненного пути именно священника Николая Заварина, так как он наиболее мужественно держал себя во время допросов.

Исследования шли в двух основных направлениях: изучение фондов следственных дел в различных архивах Кировской и Вологодской областей, с одной стороны, и поиск и изучение иных источников, дореволюционных и послереволюционных, на основе которых мы бы могли составить наиболее полное и достоверное жизнеописание отца Николая, — с другой. Из анкеты заключенного мы узнали, что отец Николай родился в Вологодской губернии и свыше двух десятков лет прослужил в храме села Вятско-Никольского Великоустюжской епархии. Чтобы полнее описать этот период жизни отца Николая, нам пришлось много поработать в вологодских архивах, более всего в Великоустюжском.

Жизни скромной, тихой, мирной

Большую помощь оказали клировые ведомости Вятско-Никольского храма. Очень важным источником для нас стали и полугодовые отчеты благочинного Петра Молявина. Отец Петр неоднократно в них отмечал псаломщика Николая как служителя Церкви, ведущего трезвенную, благочестивую жизнь, усердно проводившего внебогослужебные чтения во дни Великого поста. Из других дореволюционных фондов и групп архивных документов, в которых также можно найти интересные материалы о жизни того или иного священника, следует назвать: фонды духовных училищ и семинарий, фонды различных братств (в нашем случае — фонд Стефано-Прокопьевского братства), церковно-приходские летописи, настоятельские отчеты, метрические книги и др.

В результате изучения различных архивных документов нам удалось выяснить следующее.

Священник Николай Заварин родился 4 мая 1878 года в селе Кичменский городок Никольского уезда Вологодской губернии². Его отец, священник Кельсий, с 1865 года служил в Афанасьевской церкви этого села, пользовался уважением окружного духовенства, не раз избирался духовником благочиния и благочинным, имел немало церковных наград³. Николай был пятым, младшим ребенком отца Кельсия. Крестили Колю в Афанасьевской церкви 8 мая 1878 года.

Владимирская церковь с. Пиксур. 1930-е гг.

48 УГБ УНКВД по Кировскому краю.

Протокол допроса

(ДОПОЛНИТЕЛЬНО)

1927 года 12 августа дня я Бориса Александровича Кельсиева УГБ УНКВДпо Кировскому краю Заварин допросил в качестве обвиняемого - свидетеля:Фамилия ЗаваринИмя и отчество Михаила Кельсиева

Показания по существу дела:

Борис Александрович Кельсиев, рожд. в 1896 - 1897г.

Вятской области ранее много раз, в разных местах и в разных местах, состоял членом общественной организации и некоторых других общественных организаций к своей общественной деятельности и деятельности.

Борис Кельсиев себя не признает и подтверждает свои предыдущие показания от 6 августа 1927 года, поскольку я сейчас в тюрьме, я встретился с представителями ВУЗ среди населения, которые были жерновом, но не захватили, но сейчас общественной организацией никогда не состоял.

Борис Кельсиев по фамилии, такими и подействием были Александрович и за тем

Борис Кельсиев два раза бывал в Архангельске, один - Александрович Александрович в Архангельске Курский области Кельсиев, за тем же Александрович я и там. Он был Архангельск. Мне об этом не

Заварин Николай Н.

Сам год - 1927, жена Александрович. В начале 1927 г. в течение было Александрович, мой отец, Александрович и год в Архангельске, за тем же Александрович мне известно, что он был от отца Александрович, который жена Александрович и Александрович. Александрович был без работы, сейчас мне не известно. Александрович он Александрович и Александрович. 5 апреля 1927 г. с. Кельсиев Александрович про, что сам я, была Александрович за Александрович Александрович Александрович, год Александрович Александрович, Александрович по Александрович Александрович.

Борис Кельсиев не признает и подтверждает свои предыдущие показания от 6 августа 1927 года, поскольку я сейчас в тюрьме, я встретился с представителями ВУЗ среди населения, которые были жерновом, но не захватили, но сейчас общественной организацией никогда не состоял.

Борис Кельсиев по фамилии, такими и подействием были Александрович и за тем

Борис Кельсиев два раза бывал в Архангельске, один - Александрович Александрович в Архангельске Курский области Кельсиев, за тем же Александрович я и там. Он был Архангельск. Мне об этом не

Сам год - 1927, жена Александрович. В начале 1927 г. в течение было Александрович, мой отец, Александрович и год в Архангельске, за тем же Александрович мне известно, что он был от отца Александрович, который жена Александрович и Александрович. Александрович был без работы, сейчас мне не известно. Александрович он Александрович и Александрович. 5 апреля 1927 г. с. Кельсиев Александрович про, что сам я, была Александрович за Александрович Александрович Александрович, год Александрович Александрович, Александрович по Александрович Александрович.

Борис Кельсиев по фамилии, такими и подействием были Александрович и за тем

В 1897 году, выдержав в 21 год экзамен на звание учителя, Николай был определен в Верхомоломскую Спасскую церковноприходскую школу Никольского уезда. В 1898 году его направили в город Великий Устюг на кратковременные курсы для учителей церковноприходских школ. Здесь он знакомится со своей будущей супругой Любовью Федоровной Шемякиной, дочерью мещанина из города Никольска. В 1900 году они обвенчались, и с тех пор Любовь Федоровна стала Николаю Кельсиевичу верным другом и помощником. В августе 1900 года по собственному прошению Николай Заварин назначается псаломщиком к Никольской церкви села Вятско-Никольского того же уезда⁴. В этом селе Николай Заварин прослужил 25 лет. Здесь родились и все девять его детей, четверо из которых умерли во

младенчестве. В клировых ведомостях читаем следующие записи благочинного о псаломщике Николае: поведения «очень хорошего» (1901), «весьма хорошего» (1905), «отлично хорошего», (1909 год и позже). А за 1910 год находим и такую интересную отметку: «Жизни скромной, тихой и мирной»⁵. В 1920 году его утвердили на штатной должности диакона Вятско-Никольского храма⁶.

Обязанности клирика Николай Заварин совмещал с учительскими трудами, преподавая в Вятско-Никольской церковноприходской школе, а с 1914 года и в Политовском земском училище. В последнем он служил законоучителем вплоть до 1 мая 1919 года. В дни Великого поста во время совершения Таинства исповеди псаломщик Николай вместе с другим псаломщи-

ком — Вениамином Чевским — с усердием обучали прихожан основным молитвам и наиболее употребительным песнопениям, чем обратили на себя внимание епископа Великоустюжского Алексия, который похвалил их за усердие⁷.

Николай Заварин служил в храме, причт которого был в материальном отношении обеспечен очень плохо. Как сообщал в 1914 году в своем отчете благочинный, на получаемое членами причта содержание безбедно могли прожить только бессемейные люди: «А так как большая часть членов причта люди многосемейные, то и приходится им жить постоянно в долгах»⁸. Кроме того, по сообщению того же благочинного, псаломщику Николаю приходилось обитать в таком плохоньком доме, что жить в нем, особенно в зимнее время, вследствие холода было просто невозможно. Несмотря на все эти трудности, Николай Кельсиевич прослужил в храме села Вятско-Никольского 25 лет, не предпринимая никаких попыток перейти на другой, более богатый приход.

Первые аресты

Для изучения жизни священномученика Николая с 1917 по 1937 год привлекались фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО). Например, в ЦГАКО исследовались фонды Вятского епархиального совета, Кировского крайисполкома, Даровского РИКа, Кировской прокуратуры и, конечно, подробно прорабатывались фонды, в которых находятся следственные дела. По сути, материалы собирали по крупицам, просматривались (порой не по одному разу) сотни архивных дел. На основе таких тщательных исследований стало возможным осветить все этапы жизни священномученика Николая в послереволюционный период.

В 1919 году представители советской власти отобрали у причта села Вятско-Никольского их дома, предоставив для пользования лишь один полукаменный ветхий, нуждавшийся в срочном ремонте дом. Отобраны были также церковные и причтовые земли, церковные деньги, метрические книги, книги церковной библиотеки. Первого марта 1922 года была изъята и церковная утварь.

Вплоть до 1926 года все члены причта, в том числе и диакон Николай, числились членами приходского совета, но в 1926 году их имена из списков исчезают — по-видимому, из-за того, что они были лишены избирательных прав. 26 января 1926 года диакон Николай последний раз своей рукой составил список членов церковноприходского совета вятско-никольской религиозной группы⁹. Вскоре он узнает, что его ждет новое, более ответственное, пастырское, служение при храме Владимирской иконы Божией Матери в селе Пиксур под руководством многоопытного протоиерея Иоанна Двинянина.

Промыслом Божиим диакон Николай Заварин стал единственным, кто был рукоположен во пресвитеры вернувшимся из ссылки в марте 1926 года архиепископом Вятским и Слободским Павлом (Борисовским). Он приезжает в село Пиксур уже в 1925 году: на плане села, помеченном этим годом, обозначен «дом попа Николая». Работникам сельсовета, скорее всего, была не понятна разница между диаконом и священником: с бородой, в рясе — значит, поп.

Отцу Иоанну, вложившему всю душу, всю любовь, все свои силы в это село, к этому моменту исполнилось уже 69 лет. Ему нужен помощник: через четыре года он попросится за штат. Отцу Николаю 47 лет, и община верующих села Пиксур пригласила его служить в своем храме. Позднее, снова приглашая отца Николая на служение уже в 1933 году, церковный совет Владимирской Богородицкой церкви пишет правящему архиерею, что верующие села Пиксур хотят видеть у себя священником именно отца Николая Заварина, «принимая во внимание его прежнюю полезную службу для нашей церкви, а также его кроткое и доброе обращение с прихожанами»¹⁰.

Репрессии начала 1930-х годов не обошли стороной и иерея Николая. Он был арестован и осужден в 1931 году за неуплату налогов. Почти одновременно с отцом Николаем была осуждена и его дочь Надежда, которая пыталась спасти отца от ареста. Подробностей этой истории мы не знаем. Но в следственном деле 1932 года, в показаниях одной из свидетельниц, есть упоминание о следующих словах Надежды Николаевны: «Папа был арестован, но я его скрыла, то есть провезла в мешках»¹¹.

Надежде на тот момент было всего 20 лет. Даровской нарсад осудил ее на два года, и свой срок она отбывала в нижегородской колонии на станции Буреполом, однако была освобождена досрочно. Уже в старости Надежда Николаевна рассказывала своей внучатой племяннице, что в колонии она познакомилась с молодым врачом Генрихом Галистровским (поляком по национальности) и вскоре вышла за него замуж. Семейная жизнь у нее не сложилась, и она вскоре вернулась к родителям. Но в дальнейшем, когда ей приходилось ходатайствовать об освобождении отца и открытии церкви в селе Пиксур, она, по-видимому, не раз прибегала к помощи сестры Генриха, муж которой работал во ВЦИКе¹².

Агитировал против колхозов

Отец Николай вышел на свободу весной 1932 года, но в село Пиксур в тот момент вернуться не смог, так как там уже служил другой

там знакомо) и из пределов Березовского прихода, а то и больше»¹³.

Это самое «больше» и произошло с отцом Николаем Завариным: 4 декабря 1932 года он и Любовь Федоровна оказались арестованы и обвинены в антисоветской деятельности по срыву хлебозаготовок и коллективизации¹⁴. В основном все показания свидетелей против отца Николая пестрят рассказами о том, что поп Заварин агитировал против колхозов и клеветал на советскую власть. Одним из главных свидетелей оказалась сторожиха церкви села Березова Агриппина. На следствии она заявила, что отец Николай «с момента приезда в апреле месяце стал агитировать против хозяйственно-политической кампании, в особенности против хлебозаготовок, для чего использовал нищих и середняков, которые часто посещают церковь <...>. Например, 9 июня с. г. в Николин день священник Заварин пригласил меня пить чай и во время чаепития сказал по вопросу о весенней посевной кампании, что крестьянство сеет хлеб, а осенью весь урожай власть у них отберет и крестьянство опять будет голодать». Председатель колхоза в деревне Большая Заимка также обвинил отца Николая в агитации против колхозов и хлебозаготовок¹⁵.

Конечно, следствию были особенно интересны показания свидетелей, которые считались церковными, верующими, — таких, например, как жена священника, служившего в Березове до отца Николая. Она также подтвердила, что священник Заварин в беседе с прихожанами в палатке говорил, что план заготовок выполнять не надо и что дураки-мужчины выполняют планы и подчиняются властям. Также, по ее словам, он агитировал против колхозов (вступать в них не надо, колхозы, ранее организованные, все равно все разваливаются) и угрожал, что весной будет война и всех колхозников угонят на войну¹⁶.

Как же вел себя во время следствия отец Николай? Он никого не обвинял, не искал оправданий и не заигрывал с советской властью. «По существу предъявленных мне обвинений по ст. 58.10 УК, — заявил он следователю, — виновным себя не признаю, ибо я никакой агитации против колхозов и хлебозаготовок не вел и никого к этому из сторонников своих не возбуждал. У себя на квартире никого не группировал и про-

Диакон Николай Заварин стал единственным, кто был рукоположен во пресвитеры вернувшимся из ссылки в 1926 году архиепископом Вятским и Слободским Павлом (Борисовским).

клирик. Временно в апреле батюшка поступил служить в Трифоновский храм села Березова. Прихожане расположились к нему и даже просили архиепископа Евгения (Зернова) принять отца Николая в штат. Но неожиданно здесь, в Березове, священник Николай попадает в круговорот приходских интриг, нередко случавшихся в те годы на сельских приходах. Свет на обстановку проливают письма протоиерея Александра Попова, занявшего настоятельскую должность в Трифоновском храме сразу после ареста отца Николая. Так, он пишет в Епархиальный совет следующее: это «не простое притеснение. Нажим, агитация трех лиц <...> не прекращается, и мне не дают покоя своими выдумками на меня разных нелепостей. Изгнав меня с квартиры церковной через посредство ГПУ, они не постесняются и не побоятся ни Бога, ни людей изгнать меня через посредство того же ГПУ (им

Учитель Николай Заварин. Конец XIX в.

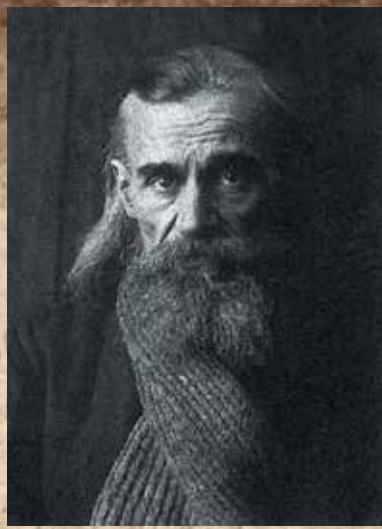
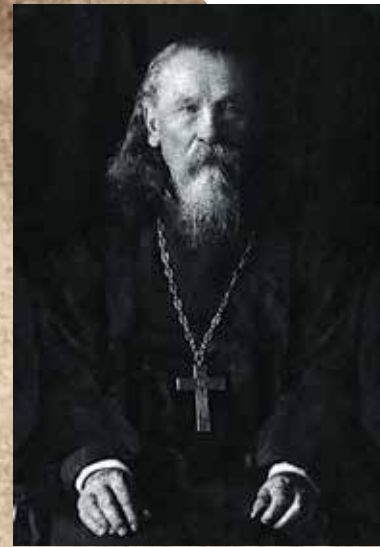

Фото о. Николая Заварина из следственного дела

Протоиерей Николай Двинянинов

Старшая дочь о. Николая Валентина Бехтерева

Любовь Федоровна Заварина с дочерью Надеждой Галистроровской

вокационных слухов об антихристе, бандитах никому не распространял <...>. Что-либо в свое оправдание я представить ничего не могу»¹⁷.

19 февраля 1933 года священник Николай был осужден на пять лет лишения свободы. Но 26 июня его освободили досрочно — скорее всего, благодаря ходатайствам дочери Надежды, которая во время следствия в 1937 году упоминала, что в 1933 году она ездила в Москву по делам церкви и по делам своего отца¹⁸.

Колокола сняли, ограду сломали, церковь засыпали зерном

После освобождения отец Николай встретился в Вятке с архиепископом Евгением и взял у него благословение вернуться в село Пиксур. Здоровье его было сильно подорвано, и он попросил у владыки время на кратковременный отдых. Но уже 16 июля церковноприходской совет направил архиепископу Евгению прошение с просьбой о назначении отца Николая на службу в их храм. При этом в прошении отмечалось, что церковноприходской совет отказывает от места священникам Владимиру Никольскому (за его неблагоприятное поведение) и Филимону Нови-

кову из-за того, что последний в присутствии членов церковного совета не раз заявлял о своем нежелании служить в селе Пиксур и даже обещал закрыть их церковь. Прихожане также писали, что отец Николай Заварин слишком ослаб здоровьем и не в силах искать себе новое место¹⁹.

Через некоторое время владыка Евгений утверждает в должности настоятеля Владимирского храма села Пиксур отца Николая Заварина, вскоре после своего освобождения поведшего настойчивую, упорную, героическую борьбу за свой храм. В этом ему помогали члены его семьи — жена Любовь Федоровна и дочь Надежда.

Как же жили в 30-е годы XX века сельские приходы этого уголка Вятской земли?

«Да, очень и очень тяжело всем рел[игиозным] общинам существовать при таких условиях жизни. Все в страхе, и никто не соглашается быть церковным служащим <...>. О, если бы Вы только все слышали и видели, что приходится нам переживать здесь, в глухих уголках! Вся жизнь

38
51

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 2

Заседание Особой Тройки при УНКВД Кировской области от 19 /УШ- 1937 г.

С Л У Ш А Л И:	П О С Т А Н О В И Л И:
<p>17. Дело № 5054 Даровского РО УНКВД, по обвинению ЗАВАРИНА Николая Кельсиевича, 1876 г. рождения, служитель культа, судим два раза в 1931г. по ст. 61 УК и в 1932 г. по ст. 58-10 УК на 5 лет ИТЛ. Обвиняется в том, что вернувшись из ИТЛ, вновь вел активную антисоветскую агитацию; распространил провокационные слухи о падении сов. власти, о войне и поражении Красной армии. Привлекал к организованным антисоветским выступлениям.</p> <p>Докладчик т. СТРЕЛЦОВ.</p>	<p>ЗАВАРИНА Николая Кельсиевича РАССТРЕЛЯТЬ.</p> <p style="text-align: center;"><i>[Handwritten signature]</i></p>
<p>Секретарь <i>[Handwritten signature]</i></p>	

церковная здесь в руках председ. с/совета, личная его воля — для нас закон. Словом, на бумаге и сохой доли не изложить того, что приходится переживать нашему брату. А живешь вот так, что не знаешь, проснешься или нет на своей постели. Все думы и думы в голове. За церковь болит душа, и о своей тяжкой доле думаешь»²⁰, — характеризует в 1933 году обстановку на приходах Даровского района в своем рапорте в Вятский епархиальный совет благочинный 4-го Котельничского округа священник Михаил Стефанов.

Отец Николай Заварин терпел большую нужду, голодал, подвергался нападкам, рисковал жизнью своей и своих родных, но не отступался от своего прихода, своего храма, не просил владыку перевести его в другое место. Как бы ни было тяжело, он старался поддерживать веру в жителях села Пиксур и отстаивать свою церковь, делать все возможное, чтобы ее не закрыли.

Из церковных общин Даровского района верующие пиксурского храма наиболее часто обращались в Культкомиссию при Президиуме ВЦИКа с просьбами и даже требованиями от-

крыть их храм или оградить его от самоуправления местных властей — сельсовета и райисполкома. Об этом свидетельствуют, в частности, документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Большинство этих жалоб, просьб и петиций написаны или лично отцом Николаем, или его супругой Любовью Федоровной. А в качестве ходока, отвозившего письма во ВЦИК, выступала их дочь Надежда.

В июне 1934 года по распоряжению председателя Пиксурского (Варженского) сельсовета П. Н. Груздева стали разбирать старинную церковную ограду для строительства моста через реку Кобру. Прихожане направили телеграмму в Постоянную центральную комиссию по вопросам культа при Президиуме ВЦИКа с жалобой на незаконные Груздева. Культкомиссия отреагировала довольно быстро и послала Даровскому райисполкому распоряжение прекратить самоуправство пиксурского председателя, но оно было проигнорировано.

Осенью по всему Даровскому району храмы стали засыпать зерном. Председатель приход-

ского совета Владимирской церкви отказался предоставить помещение, но после того, как его три дня продержали под арестом, вынужден был дать согласие. Правда, зерном была засыпана лишь половина храма, другую же оставили верующим, но запретили отапливать.

Вскоре стало известно, что Варженский сельсовет посылал учителей по деревням агитировать за закрытие храма и передачу его под школу. Отдать церковь под школу местные коммунисты намеревались еще в 1930 году. Тогда им этого добиться не удалось, но и сейчас верующие не сдавались. Они снова обратились с жалобой в Центральную культкомиссию при Президиуме ВЦИКа. Письмо было написано матушкой Любовью Федоровной, а отвезла его в Москву дочь Надежда Николаевна. И в этот раз было приказано «устранить неправомерные стеснения со стороны сельсовета к отправлению служб в здании церкви». Храм удалось отстоять, хотя отцу Николаю, несмотря на слабое здоровье, пришлось совершать богослужения зимой в неотапливаемом приделе. Церковь освободили от зерна за неделю до Вербного воскресенья, и сразу же храм был приведен в порядок.

Летом председатель сельсовета самовольно снял с колокольни четыре колокола, разломал храмовое крыльцо с северной стороны и разобрал церковный амбар. А 24 сентября Даровской райисполком принял решение закрыть храм. «Ничтожное меньшинство, — указано в постановлении РИКа, — которое возражало закрыть церковь, может свои потребности удовлетворять в молитвенных зданиях других общин верующих»²¹. Ложь, подтасовка фактов, запугивание сельских жителей были обычными методами борьбы советской власти с религией. Помещение церкви сначала хотели использовать под Народный дом и школу, но затем решили снова засыпать зерном.

РИК против ВЦИК

Уже 26 сентября отец Николай пишет жалобу в Президиум ВЦИКа: «Все верующие в числе 1032 человек и церковный совет не желают закрытия храма, постановление Президиума Даровского райисполкома считают неправильным. Подписи о закрытии церкви председателем РИКа т. Тюфяковым и его представителями

взяты наполовину у несовершеннолетних детей и колхозников деревень, не входящих в состав нашей общины...»²².

Уже 10 октября 1935 года из Центральной культкомиссии при Президиуме ВЦИКа за подписью ее секретаря Агеева последовало весьма грозное письмо Тюфякову: «С июня месяца 1934 года председатель Варженского сельсовета села Пиксур творит безобразия, нарушает революционную законность в части закрытия в административном порядке церкви, поломки церковной ограды, амбара и др. Районные органы не принимают никаких мер к прекращению описанных безобразий, несмотря на ряд наших предписаний. Мы спрашиваем Вас в последний раз, долго ли Вы будете поощрять эти безобразия и намерены ли Вы соблюдать в районе революционную законность. Жалобы верующих прилагаем».

Однако Тюфяков признавать поражения не собирался. В Постоянную комиссию по вопросам культа он послал лживую отписку, в которой утверждал, что якобы сами верующие, члены церковной общины, ходатайствовали перед вышестоящими органами о расторжении договора на пользование церковным зданием. А 20 октября 1935 года уже Президиум Кировского краевого исполнительного комитета утверждает решение Даровского РИКа о закрытии церкви.

Но верующие 29 октября снова пишут письмо во ВЦИК и требуют открыть храм. Это письмо также написано отцом Николаем — четко, убедительно, напористо. И вот результат: несмотря на то что районный прокурор подтвердил правомерность закрытия храма, несмотря на решение Крайисполкома о его закрытии, инструктор-консультант Постоянной комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИКа Узков рекомендует оставить храм в пользовании верующих, а секретарь комиссии Агеев это решение поддерживает. Исходя из этого, Президиум ВЦИКа 20 февраля 1936 года постановил храм оставить за церковной общиной.

Но председатель Даровского РИКа делал все возможное, чтобы храм оставался закрытым. На все просьбы верующих он отвечал, что из ВЦИКа ему никаких предписаний не было и что указания высшей власти для него не закон.

Верующим он с гордостью заявлял: «Не я буду, если храм в Пиксуре не закрою»²³. И снова, 4 апреля 1936 года, отец Николай направляет во ВЦИК новую жалобу. В итоге храм все же был открыт и очищен от зерна. Но 19 декабря 1936 года председатель сельсовета снова незаконно опечатал церковь якобы за неуплату каких-то платежей. Однако Надежда Николаевна в присутствии многих верующих людей, отца Николая и Любови Федоровны срывает печать и обличает председателя сельсовета в незаконных действиях. И снова она, по ее словам, обратилась во ВЦИК, который и подтвердил правомерность ее поступка²⁴.

Благочинный Михаил Стефанов, посетивший иерея Николая в марте 1936 года, отмечал, что тот «душевно истомился в ожидании возобновления богослужения в храме»²⁵. Не мог священник без Божественной литургии, не мог оставить свою паству без причащения Святых Христовых Таин. И хотя, со слов священника Михаила Стефанова, отец Николай жил на грани нищеты, подвергал себя и свою семью смертельному риску, паству батюшка не бросил.

Следствие, смертный приговор, реабилитация

Поздним вечером 16 февраля 1937 года один за другим были арестованы три священника Даровского района. Отца Николая обвинили в том, что «являясь организатором к.-р. группы среди людей, близко стоящих к церкви, он проводил антисоветскую агитацию, призывал женщин объединиться вокруг церкви и вести борьбу с советской властью, распространял слухи о падении советской власти и расправе над богоотступниками, агитировал о неправильной политике советской власти, ведущей к голоду, призывал колхозников не сдавать хлеб государству, разъяснял правильность борьбы троцкистов...»

При обыске отец Николай на вопрос об оружии сказал: «Мое оружие — Евангелие и религия, ими я и воюю». На следствии священник не признал своей вины, а на вопросы следователя о контрреволюционной деятельности ответил: «Поскольку я служил в церкви, я стремился поддерживать веру среди населения, отстаивать храм, чтобы его не закрывали, но с антисоветской агитацией никогда не выступал»²⁶. Он не

называл никаких имен, никого не обвинял, в том числе и лжесвидетелей из числа причта.

19 августа 1937 года «тройка» вынесла отцу Николаю смертный приговор. Надежда Николаевна была осуждена на 10 лет лагерей якобы за связь с германской разведкой. Более никто из верующих села Пиксур не пострадал. Где был расстрелян отец Николай и где он похоронен, мы не знаем.

Младшие дети отца Николая — София и Владимир — были арестованы в городе Великий Устюг в феврале 1937 года и осуждены: София на четыре года, Владимир на пять лет ИТК. Владимир в феврале 1938 года был расстрелян в Приводинской ИТК.

Сразу же после казни отца Николая Кировский облисполком 25 августа 1937 года вновь ходатайствует о закрытии церкви в селе Пиксур. Но ВЦИК за подписью Калинина отвечает: «Ходатайство президиума Кировского облисполкома отклонить. Предложить президиуму облисполкома выполнить решение Президиума ВЦИК от 20.02.1936 года». Окончательно храм был закрыт лишь 16 мая 1940 года, да и то на краткий промежуток времени.

Вернувшись из лагерей в конце 1940-х годов, дочери отца Николая, Надежда и Валентина, которая в 1942 году также была осуждена на восемь лет, вновь приехали в Пиксур, пели здесь на клиросе. Еще одна дочь отца Николая — Нина Альбертс — была арестована в 1938 году и осуждена по ст. 59 на 10 лет лишения свободы. Привезли сюда и старенькую маму. Все вместе ждали возвращения отца Николая и Володи. Ждали и молились, ничего не зная об их судьбе.

В 1952 году Надежда вновь была осуждена на 25 лет и отправлена в особый, Береговой, лагерь на Колыму. После своего возвращения в 1956 году она сразу же стала добиваться реабилитации отца и преуспела в этом. Президиум Кировского областного суда 17 ноября 1956 года постановил, что по делу отца Николая Заварина допущены грубейшие нарушения. В частности, в документе отмечается, что показания свидетелей были неконкретны, противоречивы, что вызывает сомнение в их достоверности. Президиум облсуда вынес решение: «Постановление Особой Тройки при УНКВД Кировской области отменить... за недоказанностью преступления»²⁷.

Комментарии комиссии

Изучив следственные дела отца Николая и его дочери Надежды, комиссия составила к ним свои комментарии. Вот главные из них.

Во-первых, во время следствия священник Николай не пытался себя оправдать или «выкрутиться», не возносил хвалу советской власти и не заявлял открыто о своей к ней лояльности, не оправдывал политики партии и правительства.

Во-вторых, священник Николай, судя по показаниям свидетелей во время его реабилитации в 1956 году, был «тихим, неразговорчивым, замкнутым» человеком. Его дочь Надежда Николаевна Галистровская сообщала: «Папа был тихим и застенчивым». В силу своих внутренних качеств отец Николай и во время следствия отвечал немногословно, не оправдывая себя и никого не обвиняя. Вместе с тем, несмотря на свою скромность и замкнутость, он во время обыска открыто заявил о своей позиции, о своей вере и служении. Его слова: «Мое оружие — Евангелие и религия, ими я и воюю» — можно считать, на наш взгляд, прямым и безбоязненным исповеданием православной веры и признаком его мужества перед лицом грядущих страданий.

В-третьих, в своих ответах следователю священник Николай не назвал ни одного имени — ни верующих людей, ни членов причта, ни того же председателя церковного совета, с которым у него уже давно были сложные отношения. И никто из них не был арестован.

В-четвертых, во время последнего своего допроса священник Николай снова открыто заявил: «Поскольку я служил в церкви, я стремился поддержать веру среди населения, отстаивать церковь, чтобы ее не закрывали, но с антисоветской агитацией никогда не выступал».

Фактически все сложные моменты дела были проработаны на основе архивных документов не только из фондов ГАСПИКО, но и из других архивов.

Помимо этого, были изучены дела всех репрессированных священников и верующих людей Даровского района с 1918 по 1938 год. Сделаны выборки из следственных дел по Котельничскому району, возбужденных против духовенства и монашествующих главным образом сел, близлежащих к Даровскому району или к Пиксору. Рассмотрели следственные де-

ла епископов Павла (Борисовского) и Виктора (Островидова), архиепископа Киприана (Комаровского), священников и монашествующих различных районов Кировской области, осужденных к высшей мере наказания примерно в то же время, что и отец Николай. Также изучены следственные дела из фондов Северодвинского и Вятского ревтрибуналов. В архиве УФСБ по Архангельской области исследованы дела младших детей отца Николая — Владимира и Софии Завариных. На основе всех изученных материалов составлена таблица, в которой все дела расположены в хронологическом порядке с указанием фамилий обвиняемых и свидетелей. Из нее наглядно видно, что священник Николай Заварин ни по одному из этих дел в качестве свидетеля не привлекался.

Изучив все собранные документы, Священный Синод счел возможным включить имя священника Николая Заварина в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга Памяти жертв политических репрессий Кировской области. Т. 1. Киров: КОГУП «Кировская областная типография», 2000. С. 222.

² ВУЦА. Ф. 585. Оп. 15. Д. 6. Л. 57–58; ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 4. Д. СУ-4606. Т. 4. Л. 6.

³ См. URL <http://s-cokolov.ru/trees/zavarins.php>. 13/35.

⁴ Там же. Ф. 268. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 72.

⁵ Там же. Ф. 364. Оп. 1. Ед. хр. 8445. Л. 925.

⁶ ГАКО. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 36–37 об.

⁷ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 8328. Л. 29 об. — 30.

⁸ Там же. Д. 8620. Л. 8.

⁹ ГАКО. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 634. Лл. 17–17 об.

¹⁰ ГАКО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 130. Л. 424 об.

¹¹ ГАСПИКО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Ед. хр. СУ-2129. Л. 22.

¹² Там же. Оп. 4. Д. СУ-4606. Т. 3. Л. 35.

¹³ ГАКО. Ф. 237. Оп. 77. Ед. хр. 140. Л. 246.

¹⁴ ГАСПИКО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Ед. хр. СУ-9123. Лл. 9–10.

¹⁵ Там же. Л. 13–14 об.

¹⁶ Там же. Л. 21.

¹⁷ ГАСПИКО. Ф. Р-6799. Оп. 7. Д. СУ-9123. Л. 23 об.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. СУ-4604. Т. 3. Л. 34 об.

¹⁹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 77. Ед. хр. 130. Л. 424, 427. В газете «Слава труду» (от 8 сентября 2005 г. № 108) была опубликована статья «Протоиерей Иоанн». В ней есть ссылка на воспоминания члена приходского совета Ивана Саввиновича Хоробрых: «приблизительно в 1931 году благочинный был отправлен на лесоповал. Когда батюшка вернулся, он зашел к моему деду Ивану Саввиновичу Хоробрых весь в лохмотьях. "Так в лесу умучился, — сказал он. — Норму выполнишь, с ног валишься, а норму не выполнишь — паек не дают..."» На наш взгляд, этот рассказ не может относиться к прот. Иоанну, так как в 1931 г. он был за штатом, ему было уже 75 лет, у него тряслись руки уже в 1929 г., вряд ли бы его отправили на лесоповал. Скорее всего, речь идет об о. Николае Заварине после его возвращения в Пиксур в 1933 г.

²⁰ ГАКО. Ф. 237. Оп. 77. Ед. хр. 141а. Л. 405–405 об.

²¹ Там же. Ф. Р-1300. Оп. 4. Д. 43. Л. 370.

²² ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 855. Л. 11–11 об.

²³ Там же. Ф. Р-1300. Оп. 4. Д. 43. Л. 11–11 об.

²⁴ ГАСПИКО. Ф. Р-6799. Оп. 4. Ед. хр. СУ-4606. Т. 4. Л. 35.

²⁵ ГАКО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 113. Л. 308.

²⁶ ГАСПИКО. Ф. Р-6799. Оп. 3. Д. СУ-4314. Л. 48.

²⁷ Там же. Оп. 3. Д. СУ-4314. Л. 96–97.

Игуменя Варвара (Скворцова)

родилась в 1961 г. в г. Жуковском Московской области. В 1985 г. закончила исторический факультет МГУ имени Ломоносова. С 1985 по 1990 г. работала в НИО «Информкультура» Министерства культуры СССР. С 1996 г. — настоятельница женского монастыря Владимирской иконы Божией Матери с. Пиксур Яранской епархии. Занимается исследованиями истории гонений на Православную Церковь в Вятском крае. Член комиссии по канонизации святых Яранской епархии, автор ряда статей в периодических изданиях.